

Предсмертный завтрак Мекки превращается в забойное шоу

Ужасный век, и сволоочь каждый человек

Известия - 2005 - 25 авг. - с. 14

Знаменитый канадский режиссер Роберт Лепах привез на фестиваль Spielzeit Europa, проходящий в Берлине, спектакль «Опера нищих». В основе — опера Джона Гэя, представленная британской публике в восемнадцатом веке. Конечно, Лепах использовал зонги Бертольта Брехта и Курта Вайля из «Трехгрошовой оперы», но и то и другое для режиссера только повод сочинить театральную фантазию.

Артур Соломонов БЕРЛИН

ФЕСТИВАЛЬ

Лепах ставит спектакль о мафии, орудующей в сфере поп-музыки. Герои «Оперы нищих» Лепаха — композиторы и певцы. Попутно — бандиты, убийцы и воры. Они изящны, образованны и умны.

Полли (Джулия Файнер), подающая надежды молодая певица, любит, конечно, своего Мекки (Марко Поулин), но хорошо понимает, что любовь пройдет, а деньги и слава понадежней. Мекки одарен, но грешен — совратил несовершеннолетнюю Полли. Ее папаша Пичем (Кевин МакКой) их застал и начал гонения на бедного певца и композитора. Совсем не в отместку за поруганную честь дочери: Пичем просто хочет завладеть правами на песни Мекки, гоняет его из города в город и, наконец, добивается его гибели.

На сцене, помимо поющих и танцующих актеров и снующих туда-сюда небольших экранов, находится оркестр. Когда происходит грабёж или убийство, стервенеют духовые и струнные, во время любовной сцены оркестр успокаивается и исторгает лирические звуки. Здесь умирают пританцовывая и предают друг друга хохоча.

В спектакле Лепаха рекой текут слезы, в ключья рвутся страсти. Переход от отчаяния к радости занимает одно мгновение. Тоска тоской, но микрофон зовет, а публика ждет. Папаша Пичем оскорблен поступ-

ком дочери, достает платок, чтоб горько разрыдаться, но слышит легкие звуки музыки, что издает оркестр, садится к фортепиано и изящно напевает: «О, Полли, огорчила ты нас, огорчила».

В «Опере нищих», как на всемирном базаре, выставлены основные политические проблемы современности. Вот на экране появляется невероятных размеров рожа в ковбойке — это житель Техаса. Голос омерзителя: «Что вы демонстрации закатываете!? Думаете, наш президент Буш вас услышит? У него свое, огромное дело — он насаждает во всех странах демократию!» Последнее слово он провизгивает столь громко, что техника не выдерживает — экран гаснет, звук пропадает.

Конфликт культур: на сцене, перебивая друг друга, поют еврейка (ей аккомпанирует мужчина в ермолке) и представительница арабского мира — она, конечно, в положении и в парандже. Во время этой песенной дуэли на двух экранчиках происходит битва алфавитов: в слова, написанные на иврите, внедряется арабский шрифт, потом иврит побеждает, но ненадолго. А вот и любовь, в данном случае между Полли и Мекки: он приставляет к своему паху микрофон, она нежно (и очень хорошо) в него поет. Потом она надевает шкуру медведя, и на фоне уютно полыхающего огня в камине Полли и Мекки занимаются любовью.

Зритель может серьезно отнестись к происходящему, но хотел ли этого Лепах — неизвестно. Думаю, вряд ли. Он ведь и к своим выдумкам относится иронично: а вот так я сделал этот этюд — видите, по сцене плывет экран, на нем изображен летящий самолетик, это наш Мекки путешествует из Англии в Америку. Вы, дорогие зрители, заскучали от моей иронии? Кажется, пора вам немного погрузиться? И вот на сцене устанавливаются два телефонных автомата, Мекки звонит своей Полли и в печальной песне сообщает, как ему жаль, что они расстались, а Полли вторит ему столь же безысходно грустной арией. Чего скрывать — это производит впечатление. Печаль навязана. А после — залихватский, под духовые и струнные, поход Мекки к проституткам.

В финале главного героя казнят на электрическом стуле. Перед этим — завтрак обреченного. Следуя логике спектакля, Лепах не упускает случая сделать из предсмертных минут Мекки изящное шоу. Стучат в поварешки маленькие повара, возле Мекки появляется лукавый брюнет и весело ему подмигивает, юная девушка демонстрирует и ножки, и вокальный талант. У каждого своя забота, но попутно герои спектакля с удовольствием лакомятся предсмертными судорогами Мекки. Нередко в Америке казни транслируются по телевидению — скорее всего, эта сцена на что-то подобное намекает.

В интонации спектакля нет приговора общественной нравственности, нет печали от разочарования в человеке. Такие спектакли создаются, когда подобные прозрения позади, когда режиссер воспринимает свою театральную деятельность не как бунт против общества, а как часть всемирного шоу. Он точно знает, сколько стоит вся эта опера.

Leanne Rodger

250105